

Кеша галантно открыл дверцу, помог девушке выбраться на тротуар.

— Вот здесь я живу! — Она кивнула на красивый подъезд, украшенный лепниной, в которой стыдливо пряталась камера видеонаблюдения. — Может, зайдешь выпить кофе? Или что-нибудь другое? У меня много чего есть.

На такое откровенное приглашение Кеша, как настоящий джентльмен, мог ответить только согласием. Впрочем, на что-то подобное он и рассчитывал.

Эту девицу он подсадил полчаса назад, проезжая мимо ночного клуба. Кадр был что надо — ноги от ушей, волосы до попы, круглые голубые глаза, не обезображенные интеллектом, аппетитный бюст. Само собой, увидев на ночной улице такое чудо, Кеша не смог проехать мимо. Правда, когда красавица села к нему в машину, он заметил на ее безымянном пальце обручальное кольцо.

Сейчас он невольно скосил глаза на него.

Девица перехватила его взгляд, усмехнулась:

— Насчет мужа беспокоишься? Забудь. Он по делам улетел в Штаты, вернется не раньше среды.

— Если так, я всей душой! — обрадовался Кеша.

Через пять минут она открыла дверь, пропустила его и щелкнула выключателем.

— Хорошо устроилась! — одобрил Кеша, оглядев просторный холл, освещенный хитро спрятанными в потолке лампами. В приглушенном свете тускло отсвечивал узорный паркет, белели в нишах мраморные статуи.

— Это все дешевка, новодел! — Девушка сбросила туфли, прошлепала босиком к полукруглой арке, обернулась и, сладко потянувшись, промурлыкала: — Проходи в спальню, зайчик, я сейчас приду! Что тебе принести из выпивки?

— Водку с мартини, смешать, но не взбалтывать, — процитировал Кеша классику.

— Тебя случайно зовут не Джеймс Бонд? — хихикнула она. — Ладно, будет тебе водка с мартини.

— Эй, а где у тебя спальня? — спросил Кеша удаляющуюся спину.

— Вон там! — Она неопределенно махнула рукой на северо-запад.

Кеша отправился в указанном направлении, миновал несколько роскошно обставленных комнат непонятного назначения и наконец обнаружил просторное помещение с зеркальным потолком. Пол был застлан шкурой белого медведя. В середине комнаты стояла огромная кровать в форме сердца. Похоже, именно это и была спальня.

Приключение обещало быть интересным.

Кеша быстро разделся и юркнул под розовое кашемировое покрывало, под которым обнаружили черные шелковые простыни.

Вскоре в дверях появилась хозяйка.

Она успела переодеться — если, конечно, можно назвать одеждой короткий розовый халатик и розовые домашние туфельки с пушистыми помпонами. В руках у нее был поднос с двумя бокалами.

— Уже устроился? — проворковала она. — Молодец! Вот твой мартини...

Она поставила подносик на пол возле кровати. Халатик распахнулся, и Кеша с удовольствием увидел, что под ним ничего нет, кроме самой хозяйки.

Красотка непринужденно сбросила халатик, нырнула под одеяло и всем телом прильнула к Кеше.

На какое-то время он забыл обо всем на свете.

Опомнился Кеша от того, что в спину воткнулось что-то холодное и твердое. Неловко повернувшись, он вытащил из-под простыни большой черный пистолет.

— Это что такое? — выдавил он, тупо глядя на собственную руку.

— Это мой пистолетик. — Она стыдливо опустила ресницы. — У каждой девушки должно быть оружие, правда? В наше время так много плохих людей!

— Ничего себе пистолетик.

— Но я люблю все большое! — Она хихикнула, укусила его за мочку уха и прошептала: — Да брось ты его. У меня вот такая идея...

Идея оказалась очень интересной, и Кеша снова надолго потерял счет времени.

На этот раз его отвлекло от постельных забав более существенное событие.

— Я смотрю, вы очень неплохо проводите время!

Кеша повернулся на голос и увидел на пороге спальни рослого широкоплечего мужчину в твидовом пиджаке, с бритой наголо головой и маленькими злыми глазами.

Он ойкнул, натянул на себя простыню и дрожащим голосом спросил у неугомонной партнерши:

— Это еще кто?

— Где? — Она повернулась и побледнела. — Вася, — забормотала она, пытаясь спрятаться за Кешину спину, — Васечка, это совсем не то, что ты подумал!..

— Да? — бритый мужик ухмыльнулся. — Надо же, не то! Вы, наверное, разрабатываете дизайн-проект нового загородного дома? Или обсуждаете модели причесок?

— Это что, муж? — шепотом спросил Кеша. — Ты же говорила, что он вернется только в среду.

— Отстань, дурак, не до тебя! — отмахнулась от него красотка и снова залебезила: — Васенька, родной, это вышло случайно, сама не понимаю как. Это больше не повторится.

— Конечно, не повторится, — согласился бритый как-то подозрительно спокойно. В следующую секунду он наклонился и что-то поднял с пола, точнее, с медвежьей шкуры.

Кеша с ужасом разглядел тот самый пистолет, который он собственноручно отшвырнул куда-то вниз.

— Вася, положи его! — истерически выкрикнула девица. — Ты же не хочешь...

— Именно хочу, — рявкнул муж, — мне это надоело! Надоело каждый раз находить в твоей постели каких-то ублюдков. Я покончу с этим раз и навсегда!

Черный пистолет полыхнул огнем, и на простыне, прикрывавшей наготу красотки, расплылось красное пятно. Кеша скатился с кровати и отполз в дальний угол, в ужасе ожидая следующего выстрела.

Бритый, однако, не торопился его убивать.

Он посмотрел на Кешу с брезгливой усмешкой и процедил:

— А ну выметайся отсюда, пока жив!

— Да, я сейчас, я мигом, меня уже нет, — залепетал Кеша, второпях собирая одежду. Уже в дверях он оглянулся и увидел белое, безжизненное лицо красотки и залитую кровью смятую постель.

— Пошел вон! — рявкнул бритый, и через секунду Кеша уже скакал на одной ноге по коридору, пытаясь на ходу натянуть брюки.

Еще через секунду он был на улице. Брюки он кое-как надел, рубашку торопливо застегнул и

даже сумел отдышаться. Перед глазами, правда, все еще стояло белое, как мел, лицо и залитые кровью шелковые простыни.

Кеша вдохнул холодный ночной воздух и прикрыл глаза.

Может, ему все это померещилось? В конце концов, он видел эту женщину один раз в жизни и даже не успел спросить, как ее зовут.

Он уже подошел было к своей машине, как вдруг его окликнули:

— Иннокентий Антонович, можно вас на два слова?

Кеша вздрогнул.

Вопрос прозвучал из темной машины с опущенным стеклом, откуда выглядывал седой человек в неуместных ночью черных очках.

— В чем дело? — испуганно спросил Кеша.

Хотелось поскорее уехать и забыть ужасные события сегодняшней ночи, но что-то в голосе этого типа заставило его застыть на месте. И еще то, что он назвал его по имени и отчеству.

— Сядьте в мою машину, — приказал незнакомец не допускающим возражений тоном.

— Почему в вашу? Зачем в вашу? — забормотал Кеша. — У меня своя есть.

Но ноги сами уже несли его к темной машине. Через секунду Кеша осознал себя сидящим на пассажирском месте рядом с мрачным типом.

— Хорошо повеселились? — поинтересовался тот бесцветным голосом.

Кеша не ответил, да его ответ и не имел значения.

На какое-то время в машине воцарилось молчание. Наконец Кеша не выдержал:

— Что вам от меня нужно? Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Я не только это знаю, — охотно ответил седой. — Я знаю даже, где вы проведете остаток своей жизни.

Кеша понимал умом, что нужно помалкивать, но удержаться не мог.

— Где же? — спросил он испуганно.

— На зоне, Иннокентий Антонович, на зоне! — жизнерадостно ответил незнакомец. — Правда, могу вас утешить — это продлится недолго. Не потому, что вас выпустят по условно-досрочному. Просто вы долго там не протянете.

— По... почему?

— Потому что вы, Иннокентий Антонович, уж простите за прямоту, слабак. На зоне вас быстро сломают. Знаете, как поступают там с такими, как вы?

— Я не о том. — Кеша сглотнул и попытался взять себя в руки. — За что меня посадят? Я не совершил ничего противозаконного.

— Как за что? — Незнакомец изобразил искреннее недоумение. — За убийство, конечно.

— Какое убийство? Я никого не убивал!

— Уж конечно. — Незнакомец усмехнулся. — Только что в этом самом доме вы убили свою случайную знакомую Алису Сергеевну Петуховскую.

— Да никого я не убивал! — заверещал Кеша и сделал попытку выбраться из машины. — Это меня чуть не убили, а я... я даже не знал до этой минуты, как ее зовут!

— Сидите! — прикрикнул на него седой. — Сидите, если не хотите загреметь на зону. На месте преступления сотни ваших отпечатков. А самое главное — ваши пальчики остались на орудии убийства.

Кеша похолодел: он вспомнил, что действительно держал в руках чертов пистолет.

— Кажется, до вас дошло, — удовлетворенно констатировал его собеседник. — Значит, вы готовы к серьезному разговору.

— К разговору? — окончательно растерялся Кеша.

Неожиданно перед ним забрезжила надежда. Если этот страшный человек собирается с ним о чем-то говорить, значит... значит, не все потеряно? Неужели есть шанс остаться на свободе?

— Совершенно верно. — Седой как будто прочитал его мысли. — У вас есть еще шанс.

— Говорите! — выдохнул Кеша. — Только прошу: снимите очки, а то мне как-то неуютно.

Незнакомец хмыкнул, придвинулся к нему и сдернул очки. Полыхнули глаза — такие яркие, как будто в них горели два раскаленных угля.

— Что я должен сделать? — пролепетал Кеша.

— Вот это наконец разговор, — удовлетворенно кивнул седой. — А то «не убивал», «не

совершал ничего противозаконного» — слушать противно. Да нет человека старше трех лет, который не совершил бы ничего противозаконного.

— Только можно попросить вас, — Кеша вжался в сиденье, — надеть очки?

— То снять, то надеть. Ладно, бог с вами! — Резким движением он набросил очки и перешел к сути: — Вы бываете дома у Андрея Януарьевича Хвалынского.

— Бываю, — пролепетал Кеша. — Но позвольте, при чем здесь Андрей Януарьевич?

— Будьте любезны, не перебивайте, — разозлился седой. — Если хотите остаться на свободе, нужно сделать вот что...

Он понизил голос и говорил довольно долго.

По мере того как он говорил, Кешины брови удивленно поднимались все выше. Наконец седой замолчал.

— Но если я это сделаю, — выдохнул Кеша, — где гарантия, что вы оставите меня в покое?

— Очень просто. В обмен на ту вещь, которую вы принесете мне от Хвалынского, получите пистолет со своими отпечатками. Дальше можете поступить с ним, как заблагорассудится.

В голосе страшного собеседника Кеше почувствовалась насмешка. В его несчастной голове мелькнула мысль, что этот тип запросто может обмануть, но сил сопротивляться не было.

— Я согласен! — выпалил Кеша и выскочил из машины.

— Это черт знает что! — со слезами воскликнула Лола. — Нет, ты только посмотри на это безобразие!

— Что там еще? — проворчал Леня Маркиз и нехотя поднялся с дивана. — Снова тебе нейдет?

На дворе была ранняя осень. Солнце изредка показывалось на небосклоне, деревья стояли в золотом уборе, но, при всем очей очарованье, пора была все же унылая, и Леня имел полное право на легкое недовольство жизнью. Еще и шею где-то продуло, словом, самое милое дело поваляться в выходной на диване в тепле и попить чаю с лимоном. Ага, дождешься от нее, как же. Воды простой, и той не допросишься.

Леня тяжело вздохнул и поплелся в гостиную, откуда раздавались Лолины негодующие вопли и лай Пу И.

Леня Марков, известный в специфических кругах под аристократическим именем Маркиз, захандрил по той причине, что в делах его наметился некоторый застой. В июле-августе он не волновался: лето. Все Ленины клиенты, те самые господа, кому для деликатных поручений требовался ловкий неболтливый человек, способный решить проблему быстро, без шума и насилия, а также по возможности не привлекая внимание полиции и других подобных структур, были людьми обеспеченными. Другие к нему не обращались, поскольку гонорары за услуги Маркиза представляли собой суммы астрономические. В августе такие люди делами не занимались, разве что в экстренных случаях.

Однако прошел август, минул сентябрь, пролетели первые дни октября, а специальный мобильник для связи с клиентами молчал. Леня начал беспокоиться: уж не распускает ли кто о нем порочащие слухи? Собственной репутацией в деловых кругах он очень дорожил.

Можно было, конечно, не ждать у моря погоды, а обдумать какую-нибудь операцию и, пока суд да дело, с блеском ее проверить. Ведь Леня Маркиз был мошенником — королем мошенников, аферистом высшей лиги и комбинатором экстра-класса. Без ложной скромности он иногда напоминал, что некоторые его операции вошли бы в учебник для начинающих мошенников. «Если бы кому-нибудь пришло в голову такой учебник издать», — ехидно добавляла в таких случаях Лола.

Лолу Леня нашел буквально на улице — не потому, что она там жила, а случайно. Они прекрасно дополняли друг друга. Лола была актрисой, стало быть, умела перевоплощаться. Театр она бросила — из-за собственной лени, как утверждал Маркиз. Теперь она занималась исключительно тем, что воспитывала Леню и помогала ему в трудной работе. Хотя работы-то как раз и не было.

Ни единого звонка от клиентов и никаких мыслей по поводу предстоящих грандиозных операций. Леня прикидывал так и этак, прокручивая в уме различные комбинации — все выходило не то.

Он пребывал в подавленном состоянии. Поэтому, наверное, и шея болела — известно же, что все болезни от нервов.

Зато Лола была довольна. В кои-то веки ее не дергают, не заставляют представляться то старухой-нищенкой, то уборщицей, то официанткой. С превеликой радостью она окунулась в заботы о собственной внешности и в воспитание ненаглядного чихуахуа по кличке Пу И. Песику, как обычно, доставалась вся ее нежность.

В прихожей Лене навстречу выкатился угольно-черный котище. Кот был большой и пушистый, с белой манишкой на груди. Это сокровище Леня подобрал на лестнице их дома, когда у кота как раз намечался весьма скверный период жизни. Он получил имя Аскольд — в честь старого Лениного учителя, который погиб незадолго до этого. Иногда у кота появлялось такое выражение, что Леня всерьез задумывался о переселении душ.

— Аскольдик, — страдающе спросил Леня: шея при неудачном повороте головы снова отозвалась болью. — Что они там еще придумали?

Аскольд дернул головой, как будто давал понять: «Не спрашивайте ни о чем, оставьте меня в покое, сами разбирайтесь!» И ушел.

Леня вздохнул и открыл дверь в гостиную.

Гостиная у Лолы была оформлена в теплых тонах. Персиковые обои, натуральный светлый паркет, мебель под орех и золотистые переливчатые занавески.

Благодаря такому интерьеру комната казалась залитой светом, даже когда за окнами не было солнца. Еще Лола любила возиться с комнатными растениями: в углу стояли огромный фикус, вьющаяся лиана и какой-то цветок без названия, который по весне выпускал дудку с гроздью розовых колокольчиков размером с кофейную чашку. Сейчас цветок скучал, голый и поникший.

— Ты только посмотри на это! — заорала Лола, увидев компаньона.

На широком подоконнике между кактусом и отцветающей азалией сидел большой разноцветный попугай. Попугай принадлежал к семейству ара и был очень красив. В позапрошлую зиму в морозном феврале он влетел в открытую форточку и остался у них жить. Лола, конечно, развесила в квартале объявления, мол, найден говорящий попугай, но никто на ее призыв забрать свое не отозвался. Леня утверждал, что это неспроста и что хозяева попугая сознательно не хотят брать его назад, потому как птица наглая и противная.

Сердобольная Лола и слышать не хотела, чтобы отдать попугая в детский уголок или в зоопарк. Птицу решили оставить в качестве еще одного питомца. Красавца назвали Перришоном.

Тут-то компаньоны хлебнули лиха. Попугай оказался совершенно невыносим. Он расклевывал семечки и посыпал шелухой пол в кухне. Он опрокидывал свою мисочку с водой на голову проходящих хозяев. Он выражался нецензурными словами и обзывался по всякому поводу и без

повода. Пу И он подучивал разным хулиганским штучкам. Кота Перришон побаивался — тот, если его разозлить, мог и перья из хвоста выдергать. Пока Аскольд предпочитал не вмешиваться и сразу дал понять Лоле, что присматривать за наглой птицей не нанимался.

Когда попугай понял, что из дома его не выгонят, он обнаглел окончательно и взял моду гадить на Ленины убийственно дорогие пиджаки. Правда, Лола пыталась утверждать, что делает он это исключительно из любви к порядку. Дескать, она, Лола, никак не может заставить Леню убирать одежду в шкаф, так, может, хоть Перришон сумеет его перевоспитать.

В результате от Маркиза попало всем, даже коту, а Перришону просто пообещали свернуть шею и зажарить.

Понемногу в квартире установилось перемирие. Звери хулиганили в пределах нормы, хотя в самую последнюю неделю с попугаем снова начались проблемы.

— Опять, — вздохнул Леня и посмотрел в окно.

Перришон сидел на подоконнике неподвижно, как будто был не живой птицей, а фигуркой наподобие тех гномов или ежей, что устанавливают на дачах. Сейчас он пристально смотрел в окно.

За стеклом, прямо напротив, на наружном карнизе сидела ворона. Ворона была даже симпатичной — яркие глаза-бусинки и растрепанный

хохолок. Она тоже сидела неподвижно и смотрела на попугая долгим влюбленным взглядом.

— Перри, у тебя это так и не прошло? — удивился Ленья.

— Дур-рак! — ответил попугай, не отрывая глаз от вороны.

— Вот так вот, — в Лолиных словах слышалась самая настоящая злость, — вот так он теперь разговаривает!

— Это любовь, — констатировал Маркиз, — ничего не попишешь. Лолка, наш попугай влюбился.

Это началось неделю назад. Сначала ворона заняла позицию на дереве напротив окна, затем перебазировалась на карниз. Поначалу она даже что-то каркала, но потом замолчала. Перришон тоже смотрел на нее молча. Эти взгляды были так красноречивы, что Лола закрыла в доме все окна, оставила только малюсенькие щелочки. Влюбленные не могли соединиться и от этого страдали. Ворона покаркала немного и улетела. И вот теперь явилась снова.

— Я этого не вынесу, — простонала Лола. — Сделай же что-нибудь! Видеть не могу эту уродину! Ой!

Попугай сорвался с подоконника и бросился к Лоле с явным намерением сильно ударить ее клювом, так что она едва успела закрыться руками.

— Перри, она пошутила! — Маркиз отогнал попугая. — Лолка, следи за словами, ты же оскорбляешь чужие чувства!

— Кар-ра, — нежно проворковал попугай, вновь взгромоздившись на подоконник. — Каррина хор-рошая...

— Красивое имя, — одобрил Ленья, подсаживаясь рядом.

Пришлось слегка сдвинуть азалию, на что Лола негодуяще зашипела — прямо как кот Аскольд, когда наступят на хвост.

— Была у меня одна знакомая Карина, — мечтательно продолжил Маркиз. — Такая, знаешь, фигуристая. — Он нарисовал в воздухе нечто напоминающее восьмерку.

Лола фыркнула, но Маркиз махнул ей за спиной — не мешай, мол, отойди в сторону, здесь мужской разговор.

— В принципе как мужчина мужчину я могу тебя понять, — вел свое Маркиз. — Но, видишь ли, Перри, дружище, ваша любовь обречена. У вас нет будущего.

Попугай посмотрел удивленно и захлопал крыльями. Ворона за окном сделала то же самое.

— Ты хочешь сказать, что вы оба птички? — догадался Ленья. — С одной стороны, да, есть по два крыла и клюв. Но, как бы это сказать, я в зоологии не силен... Словом, в общих чертах это выглядит так, как если бы Пу И влюбился в белую медведицу!

— Господи! — Лола схватилась за сердце и плюхнулась на диван.

— Кр-ретин! — рявкнул попугай, после чего повернулся к своей возлюбленной и закаркал что-то нежное.

— Вот видишь, — угрюмо констатировала Лола. — Он ничего не слышит, он даже каркать научился.

— Так открой окно, пускай летит на крыльях любви! — Леня до того обиделся на «кретина», что сам себя не слышал.

— Да ты что! — испугалась Лола. — Скоро холода, а попугай — птица южная, он же замерзнет. И потом, Ленечка, я совсем не уверена, что он хочет улететь. Скорее она, эта нахалка, хочет влезть в нашу семью.

— Угу, готовится совратить нашего невинного мальчика, — поддакнул Леня. — Лолка, в тебе проснулась свекровь.

— Что же, прикажешь свадьбу им устроить? — окончательно разозлилась Лола. — Купить невесте белое платье и фату? Ворона в фате — это будет нечто!

— Не расстраивайся, — Маркиз примирительно погладил боевую подругу по плечу, — я уверен, у них это скоро пройдет, и будем жить по-прежнему.

— Твоими бы устами, — простионала Лола и ушла в ванную: освежающий душ всегда помогал ей поднять настроение.

Маркиз понял, что чаю с лимоном ему в этом доме сегодня не дадут, и решил сам позаботиться о себе. Перед уходом он сделал щелочку в окне чуть шире.

— Пролететь не пролезешь, но хоть поцелуетесь, — сказал он вороне.

Показалось или нет, что она ему подмигнула?

Кеша припарковал машину не во дворе, а на улице. Ему было неудобно. После разговора по-запрошлой ночью со страшным незнакомцем в черных очках Кеша потерял сон и аппетит. Он вздрагивал от шагов, если они раздавались сзади, а когда вчера на лестнице их дома сосед подошел неслышно и дружески хлопнул Кешу по плечу, то едва не упал в обморок.

В витринах магазинов ему мерещились страшные рожи, которые гримасничали и насмехались над ним. Спина у Кеши каменела, казалось, что ее неустанно сверлит чей-то недобрый взгляд. Нет, он прекрасно знал, чей — того неприятного типа, что пугал его приговором и зоной за убийство, которого Кеша не совершал.

«А ты докажи!» — звучал в ушах ненавистный пугающий голос, и Кеша понимал, что выхода нет. Нужно сделать то, что велел этот человек, только тогда у него появится слабая надежда избежать зоны.

А сделать нужно было вот что — зайти в гости к Андрею Януарьевичу, взять у него золотые часы в форме луковицы и отдать их тому человеку.

Кеша даже в мыслях избегал слова «украсть», хотя именно это ему и велел сделать тот человек. В конце концов он решил выбрать меньшее из двух зол: лучше быть вором, чем сидеть за убийство, которого не совершал.

С детства Кеша считался мальчиком из приличной семьи. Эта приличная семья включала маму, бабушку и кота Васисуалия. Отца Кеша

помнил плохо. Он оставил их с мамой, когда самому Кеше не было и трех лет. Это бабушка так выражалась — «оставил». Не бросил, не сбежал, не ушел к другой женщине, а именно оставил. Бабушка всегда прибегала к этому слову, и Кеше в детстве представлялось, что они с мамой сидели в большом пакете, и папа оставил его на вокзальной скамейке, торопясь на поезд.

Надо сказать, такие видения посещали его недолго. Отец уехал куда-то в другой город и время от времени присылал оттуда деньги. Бабушка никогда отца не ругала, но если заходила о нем речь, ее голова вскидывалась, отчего взгляд получался надменным, а острый подбородок торчал вперед слишком воинственно. Кеша уже знал, что таким образом бабушка выражает пренебрежение. Еще он с детства запомнил слово «мезальянс». Так бабушка называла брак дочери, беседуя за чаем со старинными подругами и думая, что Кеша ее не слышит.

— Взяли в приличную семью, — ахали подруги, — без роду, без племени, а он... — Дальше они укоризненно качали головами.

В конце концов Кеша не выдержал и спросил у матери, что все-таки отец сделал такого, что бабушка его так ненавидит. Мама повела себя странно. Вместо того чтобы ответить на четко заданный вопрос, она затряслась, потом зарыдала и даже начала биться головой о стену. Прибежала бабушка, плеснула на нее водой, потом обняла и повела на диван. Мама долго еще кричала

на бабушку, что та испортила ей жизнь. Бабушка отвечала тихо и с достоинством, но что именно — Кеше было плохо слышно из-за закрытой двери. Маминой реакции он испугался и больше уже никаких вопросов не задавал.

Мама много работала, Кешиным воспитанием занималась бабушка. Она водила его по музеям и театрам, заставляла читать умные книжки. Телевизор в доме был подвергнут остракизму, о компьютере бабушка и слышать не желала. Кеша пошел в школу поздно, поскольку был маленьким, болезненным и худосочным — бабушка не одобряла спорт и закаливание. Она по-прежнему вела его по жизни железной рукой, критиковала приятелей и часто беседовала с учителями. Учился Кеша неважно, с ленцой, из класса в класс переползал главным образом благодаря бабушкиной неустанной заботе.

Мама много ездила в командировки, чаще всего в Москву. Лет в тринадцать Кеша снова подслушал ее серьезный разговор с бабушкой.

— Ты пригласи его на чай, — говорила бабушка, — или на обед. Хочу на него посмотреть.

— Ни на чай, ни на кофе, ни на обед, ни на ужин! — отвечала мама зло. — Ты думаешь, я такая дура, что не усвоила урок? С меня хватило первой попытки. Больше я ни за что не совершу такую глупость — знакомить тебя с человеком, которого люблю!

— Тот был тебе не пара! — занервничала бабушка. — Это был...

— Конечно, мезальянс, — издевательски парировала мама. — А тебе не приходило в голову, что в своих непомерных амбициях ты лишила ребенка отца?

— Ты тоже не слишком принимаешь участие в его воспитании, — отрезала бабушка.

На миг Кеше стало жалко бабушку. Она постарела, сгорбилась, у нее уже не получалось, как раньше, вскидывать голову и надменно смотреть на любого, кто перед ней. Но стоило ей начать перечислять Кешины мелкие хулиганства, как ему стало скучно, и он улепетнул из дому, пока не засадили за уроки.

Школу Кеша окончил весьма посредственно, и мама схватилась за голову. Нужно было срочно куда-то пристраивать этого оболтуса.

С такими оценками нечего было и думать о приличном институте. Здесь и наступил бабушкин звездный час.

Она потрясла кое-какие старые связи и пристроила Кешу в Институт культуры на библиотечное отделение.

— Там же одни девчонки! — рассмеялась мама.

Оказалось, что нет. На курсе было несколько таких же охламонов, как Кеша, чьи родители слишком поздно поняли, что ребенка запросто могут забрить в армию, если его немедленно не пристроить хоть куда-то.

В «Кульке» Кеша и познакомился с Андреем Януарьевичем Хвалынским. Выяснилось, что

когда-то давно Андрей Януарьевич был знаком с бабушкой. По ее рассказам выходило, что он даже был в нее влюблен — невинной детской влюбленностью, потому как сам он был гораздо моложе. Не то он оказывался братом ее подруги, не то племянником ее соседки — Кеша не вникал в эти подробности. Важно было, что Андрей Януарьевич сделал научную карьеру и преподавал в Институте культуры историю печатной книги и древних рукописей.

Пристроив Кешу в институт, бабушка посчитала свою жизненную задачу выполненной, стала прихварывать, резко постарела и через некоторое время тихо умерла ночью во сне. Она оставила письмо для мамы, где просила прощения за все, а еще денежный вклад, который завещала Кеше.

Мама поплакала над письмом, а после похорон объявила Кеше, что выходит замуж и переезжает в Москву. Кеша такой поворот событий только приветствовал, поскольку мама обещала содержать его до конца учебы.

Андрей Януарьевич его опекал и отличал от других учеников, ведь Кеша был мальчиком из приличной семьи. Делал он это ради памяти бабушки, а не потому, что Кеша был старательным студентом. Учился он и здесь с ленцой, ему было скучно, но приходилось иногда сопровождать профессора Хвалынского домой и слушать его долгие разговоры.

Профессор хотел иметь учеников и последователей, старался сплотить в кружок своих

почитателей из числа студентов и аспирантов. Увы, из этого ничего не получалось: профессор был неизлечимым занудой. Возможно, он любил свой предмет, несомненно, что он знал его досконально, но лекции его были скучны, как железнодорожное расписание. Он не умел увлечь аудиторию, так что даже самые положительные девочки-отличницы признавались, что от его монотонного голоса у них болят зубы.

Когда Кеша с горем пополам окончил институт, профессор рекомендовал его в одно солидное научное издательство. Кеша был благодарен и за это — с его дипломом можно было найти работу только в районной библиотеке.

Мама резко урезала субсидию, правда, ее муж подарил Кеше на окончание института свою старую машину.

Денег катастрофически не хватало. Кеша продавал бабушкины безделушки и книги — некоторые оказались редкими. К Андрею Януарьевичу он тоже наведывался ради приработка — тот время от времени поручал съездить оценить кое-что из книг. Старик тоже жил бедновато, но тщательно скрывал, что продает вещи и книги. Кеша немного жульничал и брал себе больше, чем оговоренные комиссионные.

Но все это было каплей в море. Старик был одинок, его замужняя дочь жила в Штатах. С зятем он не очень ладил, потому и не хотел переезжать к ним. Зато квартира профессора была буквально набита антиквариатом. Правда, сам Хва-

лынский утверждал, что по-настоящему ценных вещей у него нет, просто эти безделушки дороги ему как память. Кеша подозревал, что Андрей Януарьевич говорит так нарочно — из опасения, что ограбят.

Профессор радовался его приходу, и Кеша иногда мечтал, что вот старик умрет и оставит все ему: квартиру, мебель, книги. Он все это продаст и заживет по-человечески. Сколько раз он с сожалением выпускал из рук какую-нибудь мелкую вещицу — бронзовую статуэтку, фарфоровую табакерку, эмалевую рамочку для фотографий, когда так хотелось сунуть их в карман! Что делать с такой мелочью, было очевидно — продать знакомому перекупщику и прогулять эти деньги в ресторане или в клубе.

Вспомнив о ночном клубе, Кеша поежился. Именно там позавчера началась полоса неудач. Черт дернул его посадить ту девицу! Если бы не она, ничего бы не случилось, и Кеша не встретился бы с тем страшным человеком с горящими глазами.

Мелькнула вдруг какая-то свежая мысль, но Кеша не успел ее поймать — снова захлестнул страх перед тем типом. Нужно скорее отдать ему часы, тогда Кешу, может быть, оставят в покое. Он и так уже извелся за эти два дня. Андрей Януарьевич вчера не смог его принять — у него, видите ли, был массаж. Одной ногой в могиле, а туда же, массаж ему подавай.

Кеша решительно нажал кнопку домофона.

— Заходите, Иннокентий! — Профессор всегда обращался к нему на «вы».

В квартире все было по-прежнему. Кеша обул мягкие войлочные тапки и прошел вслед за хозяином в кабинет — поговорить, обменяться свежими новостями.

Обмен новостями обернулся, понятное дело, нескончаемым монологом Хвалынского. Он вспоминал молодость, хвастал знакомством с известными людьми, рассказывал, как удалось найти тот или иной раритет.

Кеша делал вид, что слушает, и старался сохранить заинтересованное выражение, а сам сжимал челюсти, чтобы не дай бог не зевнуть. Все истории выходили у профессора скучными, как вареная морковь. Кеша с детства не терпел ее в супе.

Наконец, мучения окончились. Профессор сделал вид, что вспомнил о времени, а Кеша — что ему жаль прерывать такой интересный разговор. Профессор сказал, что так просто гостя не отпустит, обязательно напоит чаем, и устремился на кухню.

Кеша глубоко вдохнул и подошел к старинному бюро красного дерева. Резной бронзовый ключ гостеприимно торчал в замке. Откинув крышку, Кеша уставился на множество маленьких ящичков, в которых, как он знал, профессор хранит всякие мелочи. Если эти часы-луковица на самом деле существуют, лежать они могут только здесь. О том, что он может их не найти, Кеша старался не думать.

Три ряда ящичков по четыре в каждом. В котором из них? Кеша решил действовать планомерно. Он, как сапер, не имеет права на ошибку. Только что профессор проговорился, что через два дня улетает погостить к дочери в Штаты, из чего следует, что следующий Кешин визит откладывается на неопределенное время.

Верхний правый ящик был набит пожелтевшими конвертами. Не вынимая их, Кеша достал рукой до дна. Ничего, кроме писем.

В следующем лежало четыре колоды старинных карт. Сразу видно, что не то.

Третий был заполнен крошечными шахматными фигурами — только белыми, из слоновой кости. Кеша подивился про себя, для чего профессор хранит неполные шахматы — ни доски, ни черных фигур. Ладно, это тоже не то.

Нижний ящик в этом ряду выдвигался с трудом. Оказалось, мешали шелковые театральные маски. Кеша выпустил облако моли и поскорее задвинул маски обратно.

В четырех ящиках среднего ряда нашлись старые выцветшие фотографии и поздравительные открытки. На открытках были полнотелые красавицы — они нюхали цветы, читали любовные письма или просто сидели на пуфиках, козетках и канаве, погрузившись в сладостные мечты. Часов не было.

Кеша начал волноваться. Нет, он волновался еще до прихода к профессору, а теперь потихоньку запсиховал. Квартира у Хвалынского